

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Игамуратов Руслан Рустамович

Специализированный учебный центр Национальной Гвардии
Республики Узбекистан цикл БЛС, ИКТ, МиС, преподаватель

<https://doi.org/10.5281/zenodo.20811804>

ARTICLE INFO

Qabul qilindi: 12-iyun 2026 yil
Ma'qullandi: 15-iyun 2026 yil
Nashr qilindi: 23-iyun 2026 yil

KEY WORDS

теория международных отношений, международная безопасность, личностная безопасность.

ABSTRACT

В данной статье анализируются новые подходы в изучении международной безопасности, внимание акцентируется на концепции личностной безопасности. Рассматриваются основные предпосылки развития международных отношений в конце XX века, которые инициировали переход от применения традиционных концепций безопасности к поиску новых интерпретаций. Хронологически показывается теоретическое развитие и практическое применение личностной безопасности в международных отношениях. Предпринята попытка классификации основных направлений в изучении личностной безопасности. Проводится сравнение традиционных моделей безопасности и моделей основанных на личностной безопасности.

В настоящее время в академических кругах, как на Западе, так и в России, осуществляются попытки найти новые подходы к проблемам безопасности. Это объясняется целым комплексом изменений, которые произошли на международной арене в последнее десятилетие XX века. Вплоть до 1990-х годов холодная война была основным определителем характера возможных угроз, выдвигая на главную роль государство при осуществлении политики безопасности. Следует отметить, блоковая архитектура международных отношений сильно повлияла и на теоретические изыскания в области международной безопасности, которые оперировали только на межгосударственном уровне и признавали в качестве субъектов международной системы безопасности только государства. Как итог, теоретические изыскания, так и практическая политика, развиваемая в рамках различных концепций безопасности, отличались вплоть до настоящего времени одномерным «черно-белым» взглядом, как на саму природу безопасности, так и на возможные пути обеспечения этой безопасности. Безусловно, пока еще рано списывать существующую вестфальскую международную систему отношений с её государствоцентристским компонентом. Однако наблюдается концептуальный сдвиг в мышлении о безопасности от национальной безопасности с ее упором на военную защиту государства к более широким концепциям безопасности и вопросам личностной безопасности, учитывающие необходимость обеспечения спокойствия и благосостояния граждан,

живущих в государстве. Возникает потребность в новых подходах к политике безопасности.

Если рассматривать традиционные взгляды на безопасность, то государство является основным объектом анализа. Тесно прослеживается связь безопасности с национальным выживанием в условиях международной анархии. Ключевым элементом в традиционных концепциях становится соотношение сил. Главной целью является обеспечение выживания государства, а главным средством - военная сила. В этих условиях вполне закономерно, что исследования в области безопасности концентрировались на изучении роли силовых возможностей в защите государственной территории. Однако для большинства населения мира гораздо более актуальны угрозы, связанные с голодом, ухудшением состояния окружающей среды, преступностью и т.д. Поэтому традиционно определяемая международная безопасность уже не может быть единственным ориентиром.

Можно выделить несколько течений, основывающихся на традиционных взглядах на безопасность. К ним относятся: теория гегемонической конкуренции, «столкновение цивилизаций», концепция демократического мира и теория комплексной взаимозависимости. Согласно теории гегемонической конкуренции, американо-советское соперничество будет заменено новыми формами полярности. Этот взгляд ближе всего к традиционной парадигме безопасности, поскольку является государствоцентричным в своих оценках природы межгосударственного соперничества и распределения силы. С.Хантингтон, напротив, считает, что конфликты не будут государствоцентричными, а будут основаны на культурной идентичности. Концепция демократического мира полагает, что демократические государства будут более миролюбивы, поскольку они придерживаются схожих ценностей. Теория комплексной взаимозависимости, хотя и признает некоторую потерю государством своей роли, традиционна, поскольку лишь ищет альтернативные пути для достижения все той же цели - достижения стабильности и выживаемости государств в анархическом окружении.

Современное развитие международных отношений выявило существенные недоработки и ограниченность традиционных подходов. Во-первых, подходы, в которых государство и национальный интерес помещаются в центр системы международной безопасности, упускают культурно-религиозные различия и в силу этого не могут объяснить эскалацию ряда международных конфликтов сопровождаемые насилием. Также данные подходы весьма сложно использовать при анализе ситуаций с участием неправительственных формирований и институтов, которые являются экстерриториальными субъектами мировой политики. Во-вторых, возрастающее количество гуманитарных происшествий, ликвидация которых, требует нарушение традиционного принципа невмешательства во внутренние дела. На глобальном уровне все сильнее проявляются последствия комплексных гуманитарных происшествий различного характера происхождения и создаваемая этими происшествиями региональная нестабильность. Данная нестабильность часто выражается большим количеством беженцев, ростом региональной торговли вооружениями, транспортировкой наркотических веществ, развитием преступных сетей как средства извлечения дополнительного дохода. Это привело к расширению угроз безопасности. В-третьих, традиционные концепции показали себя не с лучшей стороны в области прогнозирования: они не смогли предсказать окончание холодной войны, так и объяснить многие события после распада СССР. В-четвертых, резкий рост внимания к вопросам соблюдения прав человека в конце XX века и связанный с ними механизм «вмешательства» во внутренние дела государства потребовали найти новую формулировку, которая могла бы легитимизировать такие действия. Традиционные подходы были не в состоянии предоставить такие формулировки.

Современные подходы к определению концепции безопасности личности Концепция human security или личностная безопасность впервые была разработана на западе и сегодня успешно занимает место в качестве альтернативного подхода к разрешению новых проблем безопасности. Он включает в себя и уровень индивида, и уровень общества (поскольку личность может развиваться только в обществе). Учитывая же переход от международных отношений к мировой политике, ведущий к повышению роли негосударственных акторов, такая безопасность напрямую связывается с безопасностью международной и глобальной. Кроме того, сохраняется преимущество с еще не вошедшим в широкий оборот, но уже используемым отечественными исследователями, термин безопасность личности, применяемом именно в значении human security. Примером подхода, при котором термин «безопасность личности» (то есть - по определению, безопасность, главным образом физическая, отдельного индивида) употребляется именно в значении human security, может быть в работах Касьянова АА [4]. данная концепция получила в конце XX века, ее истоки можно проследить от сотрудничества Канады и Норвегии в области миротворческих операций ООН в 1960-е годы (так называемая "ось Осло-Оттава") [5]. Также начало концепции human security можно найти и в теориях международного развития, особенно в концепции «мировой системы». Ключевой идеей этой теории является понятие «Структурное насилие», которое формируется при взаимодействии развитого ядра социально-экономических элитных групп и маргинализированных групп, находящиеся на мировой периферии. Взаимодействие формируется на таких условиях, что вторые группы обрекаются на постоянную экономическую и социальную эксплуатацию. «Структурное насилие» укоренено в международной системе и опровергает понятие комплексной взаимозависимости, процесс субординации и принятия решений регулируется достаточно жесткими режимами, которые укрепляют эту эксплуатацию. Поэтому считается, что необходимо уделять большее внимание не безопасности государств, которая поддерживается военным путем или проведением политики сдерживания, а гражданским правам и большему равенству в распределении ресурсов, охране окружающей среды и здравоохранению. В более поздних исследованиях концепция human security включает в себя также экономические и природоохранные соображения, а также физическую безопасность отдельного индивида.

Идеи human security стали активно развиваться благодаря инициативной группе ПРООН, которую инициировал Махбуб-уль-Хак в 1990 году. В этом же году благодаря усилиям группы был опубликован первый доклад о развитии человека, особый вклад в теоретико-философское обоснование концепции привнес Амарти Сен [6]. В этом докладе постулировалось, что развитие должно быть нацелено на людей, а не на безопасность национальных границ, на развитие здравоохранения, образования и политической свободы в дополнение к экономическому благосостоянию. Программа ООН по развитию разработала специальный статистический индекс, который стал сводным измерителем здоровья, образования и дохода в отдельной каждой стране мира. Этот показатель стал альтернативным способом измерения уровня прогресса страны, который охватывал гораздо больше, чем индексы, основанные только на доходах. Позднее ПРООН дополнил индекс развития человеческого потенциала еще тремя: Индекс развития человеческого потенциала, скорректированный с учетом неравенства, Индекс гендерного неравенства и Индекс многомерной бедности [6].

Сильный импульс развития концепция human security получила после публикации в 1992 году Генеральным секретарем ООН Бутросом Бутрос-Гали «Повестка дня для мира», где высказывалась идея, что угроза для глобальной безопасности может быть по своей природе не только военной:

«Изрешеченная озоновая оболочка представляет для людей, которых она уже не защищает, большую угрозу, чем вражеская армия. Засуха и болезни могут нанести не меньшее опустошение, чем орудия войны». На высшем международном уровне произошло осознание того, что экологическая неустойчивость, бедность, голод и угнетение не только сами по себе являются критическими проблемами для безопасности личности, но и могут являться как источником, так и следствием конфликтов.

В 1994 году доклад Программы ООН по развитию был посвящен исключительно human security. В докладе предлагалось развивать идею расширенной трактовки концепции безопасности личности, предложив выделить в ней два взаимосвязанных фактора:

1. «защита от неожиданных и пагубных нарушений нашего повседневного образа жизни» (известная как «свобода от страха»);
2. «защита от постоянных угроз голода, болезней, преступлений и подавления» (известная как «свобода от нужды»)

Далее в докладе выделялось семь отдельных компонентов безопасности личности: - экономическая безопасность (гарантированный минимальный доход);

- продовольственная безопасность (физическая и экономическая доступность продуктов питания);
- безопасность для здоровья (относительная свобода от заболеваний и заражений);
- экологическая безопасность (доступность чистой воды и чистого воздуха, система землепользования, сохраняющая плодородие почвы);
- личная безопасность (свобода от физического насилия и угроз);
- безопасность меньшинств (сохранность культурного своеобразия);
- политическая безопасность (защита основных прав человека и свобод) [7].

В Докладе о развитии человека за 1994 год впервые были объединены концепции безопасности и развития человека. В Докладе разъяснялось, что данные концепция являются хотя и разными, но взаимодополняющими концепциями: первое относится к расширению свободы человека, а второе - к защите от угроз жизненно важным свободам. Безопасность требует внимания ко всем рискам развития человека.

Далее во второй половине 1990-х годов ежегодные Доклады Программы по развитию уточнили и структурировали концепцию human security. В 1997 году основное внимание Программа по развитию уделяла развитию личности, которое означало не просто устранение материальных причин бедности, но и бедности как лишению возможности жить достойной жизнью [8]. Проводилось различие между бедностью в доходах (менее 1 долл. США в день) и бедностью личности (неграмотность, низкая продолжительность жизни и т.д.). Эти два аспекта часто связаны. Однако это бывает не всегда. Например, жители стран Персидского залива могут испытывать бедность личности, имея достаточно высокий доход.

К концу 1990-х годов можно наблюдать выдвигание human security на центральное место в дискуссиях о внешней политике. Например, на встрече министров иностранных дел «большой восьмерки» в июне 1999 года было заявлено, что они «настроены бороться с причинами множества угроз human security» [9].

В Докладе за 2000 год внимание акцентировалось на правах человека, которые тесно связывались с концепцией human security. В частности указывалось, что достойный уровень жизни, удовлетворительное питание, медико-санитарная помощь, образование и защита от бедствий являются правами человека, а не только целями в области развития, и что бедность представляет собой угрозу для осуществления прав человека.

Темы экологии, рационального водопользования и глобального потепления преобладали в Докладе о развитии человека в 2006-2007 годах.

На сегодняшний день концепция находится в процессе своего становления, и поэтому не существует единой трактовки human security. Даже на Западе существуют различные определения личностной безопасности. Каждая акцентирует внимание на тех, или иных ее сторонах. Из всего их многообразия можно выделить два основных направления:

Первое направление личностной безопасности основывается на деятельности программы ООН по развитию. ПРООН выстраивает двухуровневую систему безопасности личности. Первый, внешний уровень основывается на весьма широкой модели развития, где развитие является основной ценностью, на основе которой можно достичь всех других свобод и общественных благ. Развитие рассматривается в качестве средства, а не цели. Ядром этой модели является идея партнерства между различными типами акторов: правительство, НПО, частный сектор. В рамках этой модели постулируется, что глобализация и ее последствия не должны быть предоставлены рыночным силам. Требуется минимальные механизмы регулирования и институционализации для нивелирования результатов распределения плодов глобализации и минимизации ее отрицательных последствий.

Концепция личностной безопасности включает в себя концепцию свободы, которая основывается на «способности и возможности, которые позволяют каждой личности жить, не ограничивая других». Таким образом, личностная безопасность связана с качеством жизни людей, общества, политического процесса. Предполагается, что все, что снижает это качество, является угрозой безопасности. Напротив, все, что может повысить это качество (экономический рост, доступ к ресурсам и т.д.), увеличивает личностную безопасность. Таким образом, принятие государствами идеи прав человека обязывает их к пересмотру традиционного понимания термина суверенитет. Подписываясь под международно-признанными нормами по правам человека, государства тем самым соглашаются учитывать интересы человека при осуществлении национальных интересов.

Второе направление можно условно назвать интервенционистской. Данное направление исходит из того, что безопасность государства не всегда совпадает с безопасностью его граждан. Тенденции современных конфликтов демонстрируют, преобладание внутренних конфликтов, связанных с гражданскими войнами и распадом государств, что приводит к высоким показателям смертности среди мирного населения. В связи с этим возникает потребность в действиях с целью уменьшения последствий конфликтов для населения, даже если эти действия затрагивают суверенные прерогативы государства. Отсюда вытекает необходимость гуманитарных интервенций для обеспечения личностной безопасности. Убеждение, что государственный суверенитет не является непреодолимым препятствием для силовых акций в ситуациях, требующих того, отражено в решениях СБ ООН по Сомали и Боснии, в создании криминальных трибуналов. Все это связывает гражданские права и поддержание международного мира и безопасности [11.С.244].

К этому же направлению можно отнести так называемую идею «постконфликтного миростроительства», которое включает в себя действия по определению и поддержке структур, которые будут стремиться укреплять и упрочивать мир во избежание возникновения конфликтов. Это выражение впервые появляется в речи Генерального секретаря ООН, который предложил широкий круг задач «постконфликтного миростроительства», включая «разоружение некогда враждовавших сторон и восстановление порядка, охрану и возможное уничтожение оружия, репатриацию беженцев, консультативную и учебную поддержку персонала служб безопасности, мониторинг выборов, содействие усилиям по защите прав человека, реформирование или укрепление правительственных институтов и содействие формальным и неформальным процессам участия в политической жизни» [12].

В рамках концепции личностной безопасности происходит пересечение или даже слияние интересов сообщества, занятого проблемами развития, и сообщества, занятого безопасностью. Для специалистов в области развития эта концепция является хорошей возможностью привлечь более значительный политический интерес и дополнительные финансовые ресурсы, которыми обычно обладают сферы связанные с военной безопасностью и внешней политикой, к проблемам развития. В свою очередь интерес специалистов в области безопасности привлекает расширение сферы своей ответственности.

Сравнение личностной безопасности и государственной безопасности

На современном этапе развития международных отношений выглядит вполне рациональным использовать концепцию личностной безопасности в качестве дополнения концепции национальной и международной безопасности. Действия по обеспечению национальной и международной безопасности должны учитывать стратегию, политику и деятельность в области личностной безопасности, которые необходимы для преодоления гуманитарных кризисов. Можно выстроить систему взаимодействия различных уровней безопасности и соответствующие им субъекты: индивид - государство - международное сообщество и личностная безопасность - национальная безопасность - международная безопасность, где уровень индивида и личностно безопасности является фундаментом всей системы, на которую надстраиваются все остальные элементы.

Также можно найти очень много связей между традиционными и личностными подходами к безопасности.

Во-первых, общая цель - предотвращение конфликтов. С позиции традиционной безопасности реализация государственных интересов посредством военной силы является крайне непредсказуемым и затратным способом, который негативно сказывается на всех сферах деятельности, интерес к невоенным механизмам разрешения споров. Личностная безопасность в принципе не может быть обеспечена в условиях вооруженного конфликта.

Во-вторых, при любых подходах совпадает такая важная задача как снижение уязвимости субъекта безопасности. Однако если в традиционных подходах используют для обеспечения порядка такие концепции, как государство, территориальный суверенитет, социальный контракт, то в рамках личностной безопасности государство рассматривается лишь как один из многих акторов, которые и составляют окружение, определяющее состояние безопасности.

Не смотря на существенные сходства, единица анализа в этих подходах различна. В то время как личностная безопасность рассматривает такой единицей отдельного индивида, включенного в общество, традиционная безопасность считает такой единицей национальное государство. Хотя уже сегодня некоторые традиционные концепции безопасности и признают, что интересы личности являются важными для общества, национальная безопасность может быть обеспечена и без защиты этих интересов.

Приверженцы концепции личностной безопасности часто отвергают «старую геополитику» из-за ее тенденции строить расчеты вокруг отдельных национальных государств. Необходимость адаптации к изменениям межгосударственной системы не удовлетворяется рассмотрением таких факторов, как военный конфликт, соотношение сил и анархия. Приверженцы концепции личностной безопасности считают, что их нормативный кругозор шире, чем узкие предрассудки реалистов [19.С.14]. Поэтому концепция личностной безопасности отличается от традиционных концепций безопасности, где основным объектом анализа являются государства. Вместо этого граждане и их экономические и социальные взаимоотношения становятся главным объектом политики в области безопасности. По мнению Хейнбекера, «личностная

безопасность связана с возможностью защиты людей в такой же степени, как с защитой государств» [20.С.6]. Рост значения личностной безопасности связан и с тем, что после окончания холодной войны внутригосударственные конфликты стали более распространенными, чем межгосударственные. Эти конфликты ведутся без использования высокотехнологичного оружия, и, в отличие от конфликтов начала двадцатого столетия, большинство жертв этих конфликтов (до 75 процентов) — гражданское население [21.С.14].

Личностная безопасность имеет как количественные, так и качественные аспекты. Количественные аспекты связаны с материальной достаточностью. Качественный аспект связан с защитой человеческого достоинства, которое включает в себя личную автономию, контроль над собственной жизнью и участие в жизни общества. Освобождение от угнетения со стороны властных структур (глобальных, национальных или местных) является необходимым условием обеспечения безопасности личности [21.С.162].

Таким образом, анализ концепций личностной безопасности приводит нас к следующим выводам.

Во-первых, назрела необходимость в новых подходах к безопасности, отходящих от традиционного акцента на безопасность государств. Особенно ярко это потребность проявляется в появлении и развитие концепции личностной безопасности.

Во-вторых, концепция личностной безопасности прошла весь долгий путь формирования. Элементы подхода, ориентированного на личностную безопасность можно обнаружить как в теоретических изысканиях второй половины двадцатого века, так и в политике в области безопасности, проводившейся отдельными странами.

В-третьих, до сих пор концепция личностной безопасности не является до конца сформулированной. Скорее можно наблюдать многообразие трактовок, объединенных общей идеей, что объектом защиты должен быть индивид или народ, а не институты, территория или государственный суверенитет.

В-четвертых, концепция личностной безопасности не является заменителем традиционных концепций национальной и международной безопасности. Вероятнее она является основой для построения других типов безопасности или дополнение к ним. Этому способствует и то, что между ними и личностной безопасностью существует достаточно много общих точек.

В-пятых, концепция личностной безопасности интегрирует в себе сферу развития и безопасности. Тем самым происходит своеобразное сращивание политики безопасности и развития, что в свою очередь приводит к перераспределению финансовых потоков с военных нужд на нужды развития.

В-шестых, появление концепции личностной безопасности является реакцией на трансформацию мировой системы, транснационализации, большей вовлеченности людей в международную жизнь, появления новых акторов международных отношений. В перспективе концепция вполне может быть развита в полезный для практической политики аналитический инструмент, позволяющий обеспечивать создание условий для реализации, как личности, так и государства.

В-седьмых, под влиянием идей личностной безопасности международное сообщество все больше полагается на применение «мягкой силы», т.е. силы убеждения, не сосредоточиваясь исключительно на военной мощи и технике.

Литература:

1. Caroline Thomas. Global Governance, Development and Human Security: Exploring the Links// Third World Quarterly, - Vol. 22. № 2. - P.155-160

2. DCI National Intelligence Council. Global Trends 2010. - Washington, DC: GPO, November 1997.
3. Roland Paris Human Security: Paradigm Shift or Hot Air?// International Security, -Vol.26, No.2 (Fall 2001). - P.96-98.
4. Касьянов А.А. Канада и «безопасность личности»: концепция и политика// США и Канада: ЭПИ.- №8, 2002. - С-36-53.
5. Gary King and Christopher J.L.Murray "Rethinking Human Security"// Political ScienceQuarterly. - Vol. 116, No.4 (2001-02). - P.585-587.
6. «Доклад о развитии человека 2010» Канады [Электронные ресурс] // Режим доступа: <http://hdr.undp.org/en/media/PR2-HDR10-3Indices-Rus.pdf>
7. Доклад о человеческом развитии за 1994 г., Программа развития ООН Канады [Электронные ресурс] // Режим доступа: <http://hdr.undp.org/en/reports/>
8. Доклад о человеческом развитии за 1997 г., ПРООН Канады [Электронные ресурс] // Режим доступа: <http://hdr.undp.org/en/reports/>
9. Lloyd Axworthy, «An Address on Human Security»// Minister of Foreign Affairs, to the G-8 Foreign Ministers' Meeting, - 9 June 1999.
10. Paul Stares. "New" and "Non-traditional" Security Challenges // UN University Press, 2000. -P.153.
11. Edward Newman Human Security and Constructivism// International StudiesPerspectives. -Vol.2 (2001), - P.241-245.
12. Boutros Boutros-Ghali, An Agenda for Peace, New York, United Nations, 1992.
13. Gary King The Human Costs of Military Conflict // Overview Paper for September 29, 2001 conference on Military Conflicts as a Public Health Problem, P. 94-98
14. Roland Paris. "Human Security: Paradigm Shift or Hot Air?"// International Security, - Vol.26, No.2 (Fall 2001). - P.97-101.
15. Fen Osler Hampson, Madness in the Multitude: Human Security and World Disorder, Oxford University Press, 2002, pp. 17-18.
16. О.А.Колобов Безопасность личности, общества, государства [Электронные ресурс] // Режим доступа: http://www.unn.ru/rus/fmo/Archive/books/monografii/Bezopasnost_lichnosti_obchestva_gosudarstva/tom_1.pdf.
17. Japanese Ministry of Foreign Affairs, Diplomatic Bluebook, 1999 [Электронные ресурс] // Режим доступа: <http://www.mofa.go.jp>
18. Министерство иностранных дел и международной торговли Канады [Электронные ресурс] // Режим доступа: www.dfait-maeci.gc.ca/foreignp/humansecurity.
19. William T.Tow, Ramesh Thakur, and In-Taek Hyun (Eds.) Asia's Emerging Regional Order: Reconciling Traditional and Human Security. United Nations University, 2000.
20. Heinbecker, P. Human Security// Headlines (Toronto: Canadian Institute of InternationalAffairs), - 56:2, 1999. - P.6.
21. Smith, D. The State of War and Peace Atlas. - London: Penguin, 1997.